

«ВЕЛИКАЯ СИЛА ИСКУССТВА»

(юмореска)

Вечерело, а все еще жарко. Хорошо, что он успел окунуться перед поездом. ...Оставил чемодан на лавке возле большой пестрой клумбы — здесь ждали автобуса отъезжающие — и пошел по обсаженной молодыми акациями дорожке. К морю. Жарко дышало слепополуденное море.

Он бросил на широкий плоский камень тенниску и техасы и по гладкой полоске мергеля вошел в воду. Погрузился по пояс, потом резко оттолкнулся ото дна, нырнул под плотную горькую волну и поплыл.

А позже, уже подъезжая в санаторном автобусе к поезду, он с сожалением подумал: плавать бы ему еще недельку, путевка не кончилась, но утром позвонила Лена. Ей нужно везти французов по Золотому кольцу. А у Юльки в лагере кончается смена. Конечно, пора бы привыкнуть ему к отлучкам жены. Такая уж у нее работа — экскурсовод. А он не привык. Может, потому, что хорошая у него жена, согласная, как говорила его бабушка Агафья.

Не привык и тоскует, и раздражается. Вот и сейчас здесь, в вагоне, он чувствует в себе это цепкое раздражение. «Пойду к людам, — подумал Сергей, — заговорят, растормошат».

Но в соседних купе пусто — июнь, все еще только тянутся к морю. И лишь в конце вагона слышны мужские голоса. Он достал из портфеля «Мир новостей», развернул. Что-то не читалось.

Отвлекли быстрые, приближающиеся шаги. Кто-то заглянул в купе. Прошел мимо. Вернулся и чуть задержался в проеме двери. Рыжий. На Сергея взглянули круглые зеленые глаза. «Как у Лены», — подумал Сергей и улыбнулся.

Но рыжее видение исчезло, затопало по вагону и вот уже в дальнем купе загудели мужские голоса.

«А может, пойти к ним?» — мелькнуло у Сергея, но тут же понял: идти не надо, люди идут к нему. Теперь заглянули сразу трое: прежний рыжий, черный — все черное: глаза, волосы, брови — и толстый, с лысой макушкой, нестарый, но с седыми бакенбардами.

— Здравствуйте, — нестройно, то ли вопрос, то ли приветствие, прозвучали их голоса.

— Добрый день, — обрадовался Сергей, — входите.

Вошли, расселись:

— Мы подумали, вы один, скучаете, а тут с народом потолковать можно, — высказался Рыжий и подмигнул Сергею, как сообщнику. — Я еще на перроне Вас увидел, — продолжал он, — и узнал. Хотел зайти, да вот ребята: не мешай, говорят. Может, человек занят. Ну, я все-таки не утерпел, заглянул, вижу, вы скучаете. Вот мы и решили — зайдем.

— Хорошо, что пришли.

Но что это он сказал — увидел на перроне, узнал... Почему узнал? Мы не знакомы. А может, встречались с ним на Братской, в Конаково или еще где-нибудь?

Да о чем думать? Разговоримся, выпьем, выясним.

— Со знакомством, что ли, ребята? — Сергей наклонился и из-под лавки из портфеля достал пластмассовые бокалы и бутылку «Киндзмараули».

Черный улыбнулся — сверкнули белые зубы:

— Нет, вы спрячьте, мы угощаем.

Рыжий вышел, скоро вернулся и торжественно поставил на столик бутылку армянского коньяка.

— Что вы, ребята? — запротестовал Сергей. — Что за пир? Не праздник же!

— Праздник! — возразил толстый. — Не каждый день пьем с таким человеком. Разливай!

...Что это они? С каким человеком? Ну, москвич, а они, похоже поговору, волжане. Что еще?

Говорят, одержимый. Так нынче из одержимых огород городи — все хотят творческой работы.

...Да о чем думать? Едут парни из отпуска, солнца набрались, настроение отличное, вот и веселятся, шутки шутят, разыгрывают.

Черный разлил коньяк. Пригубили, выпили до дна, потом еще до дна. Лица порозовели.

— А небось, трудно было? — обратился к Сергею Черный.

— Конечно, трудно, — засмеялся Сергей.

Утром завтрак, потом пляж, потом обед и сон, как у младенца. Умаялся бы я от этой растительной жизни, если бы не море.

— Любите море?

— Люблю. С детства люблю. Бывало, возьму дедову лодку и уплыву далеко в море. Сушу весла, а сам пою — голос у меня в детстве громкий был. И петь я очень любил, ну просто душа просила петь.

— Это в детстве, значит, — вступил Рыжий. — А уж потом, наверное, уплывали в море и все монологи читали. Чацкого там или «Быть или не быть».

— Монологи? Нет, позже книгу Ферсмана о камнях читал, возил с собой везде и читал.

— А Станиславского-то когда же читали?

— Станиславского? Читал и Станиславского, но это уже в МЭИ, когда в студенческом театре играл.

— Вы и в МЭИ учились?

— Учился.

— А кого вы играли в студенческом-то?

— Карандашева из «Бесприданницы», помните? И такая, ребята, Лариса была у нас, такая Лариса — Наташа Никифорова с электровакуумного факультета, что я все в Паратовы просился. А режиссер говорит: «Посмотри на себя! Ну куда тебе Паратова играть! Тебе бы роль какого-нибудь старого профессора подошла бы».

— А ведь как в воду глядел! — обрадовался Толстый.

— Вот и довелось профессора сыграть!

— Да нет, ребята, не доведется. Кандидат я крепкий, на месте, а вот уж в доктора, в профессора — это не выйдет, профессора не сыграю.

— А хитрый, — выступил Рыжий, — гляди, ребята, не признается.

— А в чем признаваться-то? — впал в уныние Сергей. — Да я только о себе и рассказываю, даже как-то нескромно получается.

— Во дает! Ох, ребята, он и в жизни артист, — взвизгнул черный.

— Артист? Какой артист, почему артист?

И вдруг осенило.

...Тогда, после «Голого короля», его даже познакомили с Евстигнеевым общие друзья и дивились сходству. А уж после «Семнадцати мгновений весны» ему и вовсе проходу не было. Потом как-то все утихло. И вот опять.

— Нет, ребята, вы ошиблись. Я не тот, за кого вы меня принимаете. Я технарь, электрик.

— Однако выдал себя, электрик, — возликовал Рыжий. — Мы ведь не сказали, что за кого-то тебя принимаем. А ты сам проговорился. Он, ребята, точно он.

Черный встал и, радостно глядя на Сергея, сказал:

— Пьем за тебя, профессор Плешнер! Знаешь, приезжай к нам в Горький на автозавод. И Штирлица с собой привези. Встретим вас! Ох, встретим! Верно, ребята?!

— Выпьем за Плешнера, за Штирлица, и пусть сдохнут все фашисты, — подхватил Рыжий.

— Выпьем, — сказал Сергей.

И все четверо подняли бокалы.

1975 г.